

О. І. Журба

ІСТОРИЧНА КУЛЬТУРА КАТЕРИНОСЛАВЩИНИ ТА ОСОБЛИВОСТІ ФОРМУВАННЯ ІСТОРИЧНОЇ ПАМ'ЯТІ РЕГІОНУ

Висвітлюються пізнавальні можливості регіональної історіографії як інструменту вивчення історичної культури на прикладі катеринославського/дніпропетровського історіографічного простору. Виділяються деякі специфічні характеристики, що визначали якісні параметри формування катеринославської історичної та історіографічної культури: «кадровий історіографічний імпорт» та розриви у розвитку місцевої історіографії. Стверджується, що ці фактори продовжують впливати на характер регіональної історичної культури, багато в чому визначають стиль осмислення та способи реалізації історичної політики в регіоні.

Ключові слова: історична культура, регіональна історіографія, катеринославські історики, регіональне історичне співтовариство, регіональна політика пам'яті.

На острие тотального увлечения проблематикой политики памяти, рассматриваемой как инструментализация исторического знания в целях манипулирования общественным сознанием, особую актуальность приобретают исследования, посвященные генезису и формированию исторической культуры, понимаемой как пространство производства, потребления и функционирования «исторического» в определенном социуме. Такое представление существенно расширяет предметное поле как традиционной сциентистской историографии, акцентируя внимание на неразрывной связи профессионального историописания с обыденными представлениями об истории среди самых широких социальных групп, так и того сегмента публичной истории, который нацелен на выявление корреляции между обыденными (и обывательскими) представлениями об истории и приемами воздействия на них конкурирующих элитных групп.

На подступах к реализации таких подходов не обойтись без региональной исследовательской оптики, обещающей наиболее емкое по-

нимание сложного и глубоко иерархизированного взаимодействия исторического знания, исторических представлений, исторических стереотипов, ощущений, интуиции на разных уровнях национальной, социальной, религиозной, региональной исторической культуры [3].

Сегодня же презентации региональной историографии, как правило, реализуются в формах исследования и репрезентации местных историков и исторических институций, которые по принципу дополнения, так или иначе, вписываются в общую телеологическую картину единого, линейного, непрерывного и поступательного историографического процесса.

Подчиненные задачам вписывания регионального в данное целостное, такие подходы, вольно или невольно, не учитывают всего многообразия функционирования «исторического» как отрефлексированного, так и стихийного знания о прошлом в региональном культурном пространстве. Переакцентация историографических исследований с учетом стратегий новой культурной истории дает основание говорить о становлении новой региональной историографии. Нацеленная на более глубокое познание целого через локальное, новая региональная историография ориентирована на поиск виртуальных интеллектуальных пространств с перспективами их вписывания в накладывающиеся друг на друга, сосуществующие в сложном переплетении, изменчивые, взаимосвязанные, относительно устойчивые историографические целостности. Для описания этих сложных взаимодействий кажется необходимым использование специального понятийного регистра: «историографические круги/ареалы/регионы», «историографические иерархии», «историографическое время», «асинхронность историографических процессов», «историографическая экспансия», «историографический импорт» и т.п. При такой постановке метод локализации даёт возможность рассмотрения историографического процесса в конкретных пространственно-временных рамках как некоего целого, имеющего свои специфики складывания, формирования, функционирования.

Ракурсы региональной историографии открывают перспективы изучения регионального историографического процесса как в «вертикальном» разрезе (профессиональные, аматорские, повседневные исторические знания/познания/представления, инструментализация истории в социальных практиках), так и в «горизонтальном», нацеленном на выделение разнообразных форм выражения каждого из этих уровней. Такое структурирование актуализирует проблему сегментарного взаимодействия, как в своей культурной среде, так и вне её.

При постановке задач региональной историографии особое значение приобретает источниковедческая методология, переориентирующая организацию источниковой базы историографического исследования. Налаживание подобной источниковедческой оптики и изучение с её помощью трудов историков, исторической беллетристики, периодики, учебников по истории, художественной литературы, изобразительного и фотоискусства, кино, музыки, фольклора, эго-документов в конкретных культурных ареалах создаёт выходы на такие широкие проблемы как региональное историческое сознание, историческая память, коллективная самоидентичность, то есть на те аспекты, которые в структуре исторической культуры представляются наименее изученными и осознанными в качестве предмета научного изучения. Кроме того, источником для изучения функционирования «исторического» в локальном культурном сообществе могут выступать исторические памятники, названия улиц, юбилеи, экспозиции музеев, частное коллекционирование и меценатство, аматорские исторические и археологические изыскания, конкурентные стратегии общественных групп за доминирование «своих» образов истории в общественном дискурсе, в том числе и в образовательных практиках. При этом важно разделять внутренние мотивы социума в его обращении к прошлому и внешние стимулы – элементы государственной политики памяти, формирования идеологии, внешние социальные и интеллектуальные заимствования. Исторические знания, тексты, практики формирования исторической памяти могут исследоваться не столько как результат индивидуального творчества, сколько как продукт той социокультурной и интеллектуальной среды, в которой формировались как производители, так и потребители «исторического». Таким образом, подходы новой региональной историографии могут выступать эффективным инструментом как выявления регионального историографического пространства, так и его исследования, в том числе выделения уровней функционирования исторического знания/познания как сегментов исторической культуры локальных сообществ.

На постсоветском пространстве апробация концепта «историческая культура» нашла наиболее полное воплощение в проекте «Историческая культура императорской России», реализованном в 2012 г. под эгидой Высшей школы экономики [4]. Однако, тут отношения историка с исторической политикой власти и аматорской средой было представлено, прежде всего, под углом зрения доминирования про-

фессионального знания. В современной же украинской историографии попытка показать региональную историческую культуру как сложное и равноправное взаимодействие всех её составляющих наиболее полно и последовательно была предпринята в диссертации А. Леоновой, которая выделила екатеринославский историографический субрегион последней четверти XIX – начала XX ст. как виртуальную территорию с потенциалом формирования полноценного пространства современной исторической культуры [5; 6].

Процессу формирования екатеринославского/днепропетровского пространства исторической и историографической культуры, присущи своеобразные, специфические характеристики, наложившие существенный отпечаток на его качественные параметры. Я бы отметил две, на мой взгляд, наиболее яркие особенности. Во-первых, это «кадровый историографический импорт», что, конечно, связано с особенностями освоения и заселения Екатеринославщины и становления ее интеллектуального облика как неустойчивого конгломерата культурного опыта и исторической памяти многочисленных и почти что непрерывных миграционных потоков с конца XVIII и до настоящего времени.

И родоначальники екатеринославского историописания середины XIX в. епископы Гавриил (Розанов) и Феодосий (Макаревский), и первые профессиональные историки региона начала XX в. Д. Яворницкий, В. Пичета, Д. Дорошенко, А. Синявский, В. Данилов, В. Беднов получили жизненный опыт, образование, навыки литературной и исследовательской работы вне Екатеринослава и региона в целом, будучи выпускниками высших светских и духовных учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Одессы, Харькова, Нежина [1; 3; 8; 9]. Все они, за некоторым исключением В. Беднова, не были выходцами из Екатеринославщины, оказались тут случайно, – в поисках работы, карьерного роста, по воле высшего руководства, – в общем потоке миграций в быстро растущий, модернизирующийся, стремительно богатеющий регион империи. Так же легко практически все они, оставив свой след в истории и культуре Екатеринослава, по тем или иным причинам, покидали город и регион, так и не ставший для них родным, близким, своим. Екатеринослав воспринимался ими как место временного проживания и службы, с которым не связывалось ни карьерное, ни личное будущее. Поэтому он так и не смог стать для большинства местных историков XIX – первой половины XX в. «своим», не чужим городом, с прошлым, настоящим и будущим которого они чувствовали бы неразрывную

связь, за которые ощущали бы ответственность, с которыми идентифицировали бы себя.

Подобная ситуация оставалась характерной для регионального историографического пространства практически до конца 1970-х гг. Так, новорожденный у 1918 г. Екатеринославский университет и его приемник Екатеринославский/Днепропетровский институт народного образования продолжали решать кадровые проблемы, прежде всего, за счет интеллектуального импорта, приглашая на работу тех, кто не мог устроить свою научно-преподавательскую карьеру в более престижных центрах. Например, мимолетным деканом историко-филологического факультета в 1918 г. стал, бежавший на юг профессор М. К. Любавский, о пребывании которого и в университете, и в городе нет практически никаких известий. Всего лишь до конца 1920-х – начала 1930-х гг. задержались в Екатеринославе, приглашенные извне профессора М. Бречкевич (выпускник Юрьевского университета), М. Злотников (Петроградский университет), В. Пархоменко (Санкт-Петербургская духовная академия), на которых возлагались большие надежды в деле воспитания первого поколения профессиональных екатеринославских историков. Однако и екатеринославские аспиранты-историки 1920–1930-х гг. (П. Козар, К. Гуслистей, П. Матвиевский), разлетелись-разбежались из Екатеринослава кто из-за репрессий, кто из-за войны, кто из-за невозможности по иным причинам профессионально реализовать себя в этом городе [8].

Когда же во второй половине 1960-х – в начале 1970-х гг. восстанавливался современный исторический факультет, то он также формировался из воспитанников Киевского, Одесского, Воронежского, Львовского и других университетов. И только со второй половины 1970-х воспроизводство историков-профессионалов высшей квалификации в Днепропетровске приобрело настолько самостоятельный характер, что сегодня весь преподавательский состав университетского истфака, других вузов города представлен практически исключительно его выпускниками.

Еще одной особенностью, тесно связанной с первой и также определяющей лицо исторической и историографической культуры региона, является резкая, бросающаяся в глаза прерывность развития екатеринославской/днепропетровской историографии. Историки не связанные с городом и краем ни культурно, ни личностно легко его покидали, не оставляя учеников, не формируя научной традиции, профессиональной и интеллектуальной среды, ориентируясь, прежде всего, на внешние на-

учные и социальные факторы. Проявилось это и на уровне основной тематики представителей первой волны историков-профессионалов, отличающейся чрезвычайным разнообразием и отсутствием крупных работ, посвященных истории Екатеринославщины и Юга Украины в целом. Так, основным героем В. Пичеты в Екатеринославе продолжал оставаться Ю. Крижанич, которому была посвящена его научная работа под руководством В. О. Ключевского в Московском университете, основная работа В. Беднова, написанная в Екатеринославе, была направлена на штудирование истории православной церкви в Польше и Литве. В. Данилов занимался вопросами истории российской и украинской литературы, общественной мысли и фольклористики, Д. Дорошенко – общественно-политической публицистикой. И только для Д. Яворницкого, общественный статус и материальное положение которого среди других историков-профессионалов региона были наиболее гарантированы, Екатеринославщина смогла стать и второй родиной, и основным предметом изучения. В свою очередь, потребность местной исторической памяти в знаковых фигурах регионального масштаба способствовала восприятию личности директора исторического музея Д. Яворницкого, уже при его жизни, как своего, екатеринославского деятеля, способного стать одним из центральных узлов и городской, и региональной исторической мифологии.

Вероятнее всего, именно поэтому вокруг образа, в общем-то, заурядного историка, творчество которого пронизывает пафос местного патриотизма и казакофильской архаики, так дружно сплотились его нынешние последователи и почитатели, превратив мифологизированную личность «козацького батька» в своеобразный символ и «нашей» екатеринославской истории, и «нашего» днепропетровского историописания [2].

Прерывность становления региональной исторической профессиональной культуры прослеживается и на институциональном уровне. Её верхний сегмент, представленный трижды закрывавшимся историческим факультетом (в начале 1920-х, в годы войны и в 1953 г.), только со второй половины 1970-х гг. оформился в качестве относительно устойчивой организационной структуры, способной и ориентированной на подготовку полного цикла профессиональных кадров историков. В этой тенденции исключительное место занял Днепропетровский исторический музей, оказавшийся единственной профильной институцией, поддерживающей на протяжении столетия по мере своих скромных сил

непрерывность существования цеха профессиональных региональных историков и ставший своеобразным стержнем формирования местной исторической культуры. Причем выразилось это абсолютно предметно, явственно и публично и через визуальное восприятие музейных предметов, собранных и выставленных стараниями многих поколений екатеринославских/днепропетровских музейщиков, и через постоянную востребованность профессиональных кадров.

Прерывность в развитии исторической культуры выражалась и в отсутствии регулярной местной исторической периодики. Выходивший к 100-летию города в 1887 г. специальный «Юбилейный листок», который по праву можно считать первым екатеринославским историческим периодическим изданием, как и предполагалось его создателями, печатался всего два месяца. Издание основательной «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии», на страницах 10 томов которой отразилась история края, и благодаря которой стало формироваться региональное сообщество историков, прекратилось в связи с Первой мировой войной. Исторический том «Записок ДГУ», появившись в середине 1950-х гг., тогда же и перестал выпускаться. И только с середины 1970-х гг. стали регулярными выпуски сборников исторического факультета.

Ретроспекция современного состояния сообщества историков региона позволяет отнести генезис первого поколения собственно днепропетровского цеха историков ко времени двух послевоенных десятилетий, когда заступили на свою непрерывную службу на профессиональном поприще Д. П. Пойда и В. Я. Борщевский. Позднее, они вполне справедливо снискали себе несколько пафосное звание «отцов-основателей» исторического факультета: и по праву своего, приобретенного в первой половине 1960-х гг., статуса доктора исторических наук, что создавало кадровые предпосылки для очередного восстановления/возрождения истфака, и по их роли в этом процессе, и, наконец, благодаря своей долголетней работе по подбору и воспитанию последующих поколений местных историков-профессионалов. Образ этих профессоров с разнообразными жанрово-эмоциональными оттенками, – от сугубо серьезных научных оценок в строгих «Историях ДНУ» и до комично-ироничных баек, легенд, факультетского фольклора, – пронизывает память исторического сообщества Днепропетровска вот уже более полувека. Со временем на неё накладывалась память о втором, третьем, четвертом, даже уже

о пятом поколении, создавая сложную вязь отношений и состояний как внутри сообщества, так и во внешнем мире. Наличие и сохранение таких мифов, сказаний и легенд представляется одним из индикаторов зрелости и сформированности научно-педагогического сообщества и исторической культуры в целом.

Одним из важнейших факторов становления исторического факультета стал умелый и высококвалифицированный менеджмент на начальной стадии его новейшей истории. Это связано, прежде всего, с деятельностью профессора А. М. Черненко, возглавлявшего факультет в 1977–1987 гг. Он сумел не только создать нормальный морально-этический климат в еще не сложившемся, раздираемой групповщиной коллективе, но и всячески стремился поддерживать коллег, ориентированных на творческий научный поиск. Наглядным результатом такой политики в 1980-х – начале 1990-х гг. стало проведение на базе днепропетровского истфака ряда Всесоюзных конференций высочайшего уровня, массовая «докторизация» ведущих специалистов факультета (М. П. Ковальский, И. Ф. Ковалёва, А. К. Швидько, А. Г. Болебрух, Ю. А. Мыцык, А. С. Завьялов, В. В. Подгаецкий, И. И. Колесник, В. В. Иваненко, С. Н. Плохий, В. К. Якунин, В. М. Калашников, К. А. Марков), работы которых получили признание далеко за пределами Украины, создание сети профильных научных сборников, освоение широких и разнообразных форм научной коммуникации, наконец, повышенный спрос на днепропетровских историков как в рамках самого университета и других вузах города, так и за их пределами. Особенно мощный отток квалифицированных кадров историков высшей квалификации наблюдался с истфака в 1990-е гг., когда по разным причинам его покинуло до трети докторов наук.

Словом, как бы там ни было, только в последние советские годы днепропетровское историографическое пространство из мерцающего на общем фоне субрегиона, каким оно представлялось на рубеже XIX – XX вв., смогло оформиться в полноценное, устойчивое научное сообщество, занявшее не только свое место на историографической карте, но и ставшее неотъемлемой частью и репрезентантом современного интеллектуального и культурного ландшафта Днепропетровска и Украины в целом.

Между тем, отмеченные особенности складывания полноценного сообщества историков, присущие екатеринославскому региону, во многом продолжают оказывать существенное воздействие на характер современной исторической культуры, стратегии инструментализации

истории, функционирование исторической памяти и роль профессиональных историков в конструировании исторической политики на местном уровне.

Региональное профессиональное цеховое пространство продолжает сохранять завидную эластичность исторической памяти, проявляющую особую чуткость к внешним воздействиям (феномен «пугливых историков»), особенно в переломные годы. Так, в пространстве исторической памяти региона рельефно выделяются три основных периода: имперский, советский и современный. Характер их формирования, отображая поколенческие, социальные, мировоззренческие, идеологические и иные специфики восприятия и использования местной истории, во многом зависел от готовности сообщества сохранять/прерывать/трансформировать образы своего прошлого, оказывать отпор/подчиняться давлению каждого нового политического режима, его идеологом и идеологов. В нашем же случае историческая культура региона демонстрировала скорее готовность к разрывам и подчинению, нежели к восприятию органики собственной истории как непрерывного, «нашего» исторического процесса, поддержанию его преемственности. Особое место отводилась здесь активной роли дипломированных историков, демонстрировавших в переломные периоды гораздо большую готовность следовать в фарватере идеологии «победителей», чем поддерживать профессиональные этические нормы.

Формируя на каждом из этапов исторической культуры комплексы своих знаков и символов, конструкторы исторической памяти решительно и безкомпромиссно отрицали и отрицают право и возможность их трансляции за пределы «своего» времени. Особенно ярко это проявилось в региональных спецификах топографической «декоммунизации», в реализации проектов которой днепропетровские историки принимали и принимают участие с небывалым энтузиазмом, прочно заняв, лидирующие позиции среди иных инициативных групп. Не вдаваясь в детали этого процесса, который заслуживает особого рассмотрения, в том числе и в связи с разительным сходством его стилистики и методов проведения с аналогичными мероприятиями по «деимпериализации» на заре советской власти, стоит отметить ту легкость, с которой огромные периоды отечественного и регионального прошлого превращались в писаниях и публичных выступлениях из «своей» в «чужую» историю. Усвоение же собственной истории как «своей» на всем её протяжении остается для региональной исторической культуры весьма сложной и

весьма проблематичной задачей. Алгоритм же превращения «своей» истории в «чужую» для местных историков и исторической памяти региона в XX – начале XXI вв., оказался значительно проще и ближе, чем «освоение» «импортными» профессиональными кадрами XIX – начала XX вв. истории Екатеринославщины.

Не смотря на внешние признаки сформированности профессионального цеха днепропетровских историков, он, как профессиональное сообщество оказался в плену не только внешних воздействий на выработку стратегий формирования исторической памяти, но и тех родовых признаков исторической и историографической культуры, которые до сих пор определяют незавершенность и неустойчивость как профессиональной корпорации, так и незрелость и конфликтность исторической памяти региона.

В этих условиях неглубокие, прерывные, «импортные», ориентированные на внешний опыт и традиции практики и стратегии конструирования исторической памяти, направленные на вытеснение её конкурентных форм, угрожают стать эксклюзивными параметрами, представляющими не только региональную историческую и историографическую культуру.

1. *Заруба В. М.* З вірою в українську справу: Антін Степанович Синявський / В. М. Заруба. – К., 1993. – 144 с.
2. *Журба О. І.* Історіографічна доля Д. І. Яворницького / О. І. Журба // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України: Розвідки з теорії та методології досліджень. – Д., 2008. – С. 220–223.
3. *Журба О. І.* Культурна та історико-археографічна діяльність архієпископа Гаврила (В.Ф. Розанова) в Південній Україні / О. І. Журба // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. – Д., 1997. – Вип. 1. – С. 220–238.
4. *Журба О. І.* Проблеми історіографічного районування та пошуки регіональних ідентичностей / О. І. Журба // Регіональна історія України. – К., 2008. – Вип. 2. – С. 47–58.
5. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А. Дмитриев. – М., 2012. – 551 с.
6. *Леонова А. В.* Историографический процесс второй половины XIX – начала XX вв. в региональном измерении (по материалам Слободской и Южной Украины) : автореф. дис. ...канд. истор. наук: 07.00.06. / А. В. Леонова. – Д., 2013. – 20 с.

7. *Леонова А. В.* О построении модели исследования регионального историографического процесса / А. В. Леонова // Мир историка. – Омск, 2013. – Вып. 8. – С. 165–176.
8. *Портнов А. В.* Історія істориків. Обличчя й образи української історіографії ХХ століття / А. В. Портнов. – К., 2011. – 237 с.
9. *Світленко С. І.* Дмитро Яворницький: вчений та педагог в українському інтелектуальному співтоваристві / С. І. Світленко. – Д., 2015. – 312 с.
10. *Швидько Г. К.* Катеринославщина та її найвидатніші діячі духовного звання (XVIII – XIX ст.) / Г. К. Швидько // Макаревский Ф. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия [Репринт 1880 р.]. – Д., 2000. – С. 3–28.

Журба О. І. Историческая культура Екатеринославщины и особенности формирования исторической памяти региона

Освещаются познавательные возможности региональной историографии как инструмента изучения исторической культуры на примере екатеринославского/днепропетровского историографического пространства. Выделяются некоторые специфические характеристики, определяющие качественные параметры формирования екатеринославской исторической и историографической культуры: «историографический импорт» и разрывы в развитии местной историографии. Утверждается, что эти факторы во многом продолжают определять стиль осмысления и способы реализации исторической политики в регионе.

Ключевые слова: историческая культура, региональная историография, екатеринославские историки, региональное историческое сообщество, региональная политика памяти.

Zhurba Oleg. Historical Culture of Katerinoslav Region and the Peculiarities of Formation of the Region's Historical Memory

The cognitive capabilities of regional historiography as a tool for the study of historical culture on the example of Ekaterinoslav / Dnipropetrovsk historiographical space are revealed. Specific characteristics which determine the quality parameters of the formation of Ekaterinoslav historical and historiographical culture are highlighted: they are «historiographical import» and fragmentation, discontinuity of the local historiography. The author argues that these factors continue to determine the style of thinking and ways of implementing of historical policy in the region.

Keywords: historical culture, regional historiography, Ekaterinoslav historians, regional historical community, regional politics of memory.